

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

Ю. ГОРЮНОВ

КОРАБЛЬ

"ДУРАКОВ"

КОРАБЛЬ "ДУРАКОВ"

16+

Юрий Горюнов
Корабль дураков

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Горюнов Ю.

Корабль дураков / Ю. Горюнов — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Они, живут по каким-то своим законам природы, понятиям, принципам. Кто они – эти несколько человек собравшиеся на небольшом корабле? И можно ли считать их сумасшедшими, если их взгляды не совпадают с мнением большинства? Спорный вопрос. Все зависит от того, по какую сторону стекла стоять, когда смотришь на мир. - Впечатление, что курс выбирают по интуиции.- Интуиция – это когда отсутствует разум, когда он не вмешивается.- Отсутствие разума – глупость.- Практически это одно и то же, но интуиция более изящно звучит, вот по изяществу и плывем.

Корабль «дураков»

Пролог

- А куда мы плывем?
- А вам не все равно? Лишь бы не стоять на месте.
- Не скажите. Хочется знать, куда держит курс наш капитан.
- Куда держит курс? Наш капитан?... Капитанов много, и у каждого свой курс, при том, каждый считает, что только его курс верный. Жаль корабль, что мы называем Землей, на всех один.
- Жаль! Когда нет единства, то это не курс, а так видимость движения в поисках, но так можно и погибнуть по глупости, разрушить мир, а в лучшем случае вечно дрейфовать по жизни, обманывая себя, что делаешь верно, или уже смирившись с действительностью.
- Можно, но страх перед опасностью объединяет и будем надеяться, что увернемся от опасностей.
- Впечатление, что курс выбирают по интуиции.
- Интуиция – это когда отсутствует разум, когда он не вмешивается.
- Отсутствие разума – глупость.
- Практически это одно и то же, но интуиция более изящно звучит, вот по изяществу и плывем. А куда вы хотите попасть?
- Есть у меня мечта.
- Странный вы. Так и мечтайте. Этого вам никто не запрещает. Мечты ничего не стоят.
- Наверное, вы правы, это то, не многое, что у меня еще есть на этом корабле, с таким прекрасным названием – «Надежда».

1

Белый корабль, рассекал воду, вспенивая ее, разрезая ее так, что волны уходили вдаль, где и гасли. Сам корабль был небольшим, всего в две палубы, и не сверкал особой белизной, какой могут похвастаться круизные лайнеры, на которых совершают прогулки богатые пассажиры с толстыми кошельками. Кое-где по борту были ржавые потеки. Это был самый заурядный корабль, который относился к классу работяг, но был добротным, надежным, хоть на вид и невзрачным. При том некая его странность была в том, что первая палуба была затянута сеткой. Кто ее натянул? Зачем? Возможно, что это мера безопасности: если вдруг кого из пассажиров настигнет морская болезнь, чтобы он в позывах желудка, перегнувшись, случайно не выпал за борт, или для этого была иная причина, не известно, но факт ограничения палубы был налицо. И вот этот незатейливый корабль в утренние часы бороздил водную гладь.

Солнце уже поднялось, но было еще не высоко; его косые лучи нежным светом играли на барашках волн, отражаясь и преломляясь, отбрасывая свои блики на борт, или играли в стеклах окон. Лишь легкий шелест расходящихся волн, нарушал тишину, да ветерок, наполненный влагой, проходя сквозь поручни, надстройки, чуть посвистывал. Даже чайки не сопровождали его: то ли он ушел уже далеко от берега, то ли отсутствие людей на палубах, заставило их отстать, бросив свое занятие – выпрашивать кусочки хлеба, которые обычно бросали им эти непонятные существа – люди.

Корабль мог бы показаться безлюдным, но из трубы витиевато выходил дым, а значит люди, во всяком случае, команда на нем была, иначе, кто приводил его в движение и направлял.

Палуба недолго оставалась безлюдной; по ней со стороны носа шел, не торопясь, мужчина лет шестидесяти, небольшого роста, лысоватый, худенький. Он с интересом поглядывал на воду сквозь сетку и что-то насвистывал. Немного не дойдя до кормы, он уперся в металлическую дверь, что закрывала проход дальше, но почему-то не удивился, а развернулся и подошел к шезлонгам, что стояли на палубе, опустился в один из них и с наслаждением вытянул ноги.

То ли так совпало, то ли его видели, когда он проходил вдоль окон кают, но на палубе появилась женщина: выше среднего роста, худощавая, одетая в просторное платье. Дойдя, до сидящего мужчины, она окинула его взглядом и спросила:

– Не возражаете, если я присяду рядом?

Он повел рукой, показывая, что не возражает. Женщина села в шезлонг и посмотрев вдаль, произнесла:

– Одиноко, – было не понятно, то ли спрашивала, то ли говорила она про себя.

– Я не устаю от одиночества, – ответил мужчина, – мне оно не в тягость, хотя не против приятной беседы дающей пищу для ума.

– Проголодались?

– Пока нет, но иное мнение бывает на пользу.

– Пытаетесь найти новые ощущения от поездки?

– Нет, просто так наслаждаюсь видом. Я думаю, что на этом корабле все мы отчасти случайные пассажиры.

– Случайность, не предусмотренная нами... Поездка только началась, и не известно, как много у нас здесь попутчиков.

– Время покажет.

– Жалею, что не захватила сейчас с собой мольберт.

– Вы художница? – поинтересовался он.

– Хочется про себя так думать.

– Что мешает?

– Я сама, вернее моя бездарность, и вероятнее всего я могу отнести себя не к художникам, а к малярам; художник должен выставляться в галереях, на него есть спрос.

– А что иначе нельзя?

Она кивнула головой: – Когда нет большого признания, которого хочется, а видишь, что его нет, то начинаешь заниматься самообманом, что все впереди. А впереди неизвестность, да и зарабатывать надо.

– Признания хочется всем, – изрек он философски. – Не покупают?

– Так покупают иногда, иначе давно бросила бы это занятие.

– А вы не пробовали писать для себя? Свои образы, что рождаются в голове? Может быть, это будет так ярко, что обратят внимание.

– Зачем? Картина должна нравиться не только мне. Она должна нравиться и тем, кто вообще ничего не понимает в живописи.

Мужчина в знак согласия, чуть кивнул головой: – Это и есть искусство, если картина нравится другим, а не только специалистам. Раз покупают, то значит не все так плохо.

– Специалистам... Да где они эти специалисты? Это те, кто сами ничего написать не могут, но могут разглагольствовать... Не все, за чьими картинами сейчас гоняются, были признаны при жизни.

– И что? Вы хотите признания после жизни? Зачем оно вам тогда? – улыбнулся он. – Получать удовольствие от содеянного надо при жизни, потом это уже не интересно и просто глупо.

– Да, когда путь уже окончен, не все ли равно, что говорят. Жить, надо пытаться наслаждаться тем, что у тебя есть, – согласилась Художница. – Я вот сейчас смотрю на этот пейзаж и понимаю, что передать всю палитру красок смогу, но вот насколько картина будет жизненна, картина должна жить, даже вне художника, чтобы было ощущение, что сейчас вода хлынет с холста на смотрящего.

– Вы обижены. Считаете, что вас не заслуженно не признают?

– Ну, нет. Я до такого маразма не дошла, моя личная жизнь в еще разумных пределах моего мозга, хотя кто знает, может быть в будущем смогу написать одну, которую хотелось бы,

чтобы признали. Надеюсь хотя бы. А вообще хочется проникнуть в суть живописи. В гениальной картине есть совершенство. Там нет ничего лишнего и не надо ничего добавлять. Это как искусство последнего мазка.

– Это как?

– Это когда последний мазок делает картину шедевром, а без него просто хорошая работа. Вот это бы увидеть, понять, где его надо сделать.

– Если бы все это умели, тогда везде были бы одни шедевры, а это грустно. Все познается в сравнении. Как и в жизни. Не могут жить одни гении.

– Почему?

– Они сойдут с ума, будут вечно спорить. Да и у каждого гения есть свои причуды. Все они с чужинкой.

– Может быть с чужинкой мы. А они нормальные.

– Все может быть. Для этого надо сначала понять, кто ты, а уж потом думать гений ты или так простолюдин. Но вероятнее всего отнесешь себя к гениям, потому как талантливые люди, обычно делают то, что им нравится.

– Вот так и я хочу заниматься тем, что мне нравится, но что-то пусто стало.

– Плывете за впечатлениями?

– Плыву по необходимости сменить обстановку, а будут ли там ощущения, впечатления, посмотрим.

Женщина замолчала, устремив задумчивый взгляд к горизонту. В ее голове уже не впервые возникало понимание, что она не родилась гением, но и не писать не могла, и в силу стремления, жажды писать, сделала это своей профессией. Заработки были случайны, но ей хватало. Все это было в прошлом и, кажется, уже давно. Как он сказал? Писать для себя. Она уже давно пишет для себя, потому как больше не для кого, а случайные заработки это не серьезно. Она не занималась бичеванием собственной души и не страдала муками творчества, все это не имело смысла, но все-таки порой подступал комок, и она получала спасительное успокоение от переживаний. Нравилось ей иногда переживать. Что такое художник? Это постоянное формирование образа окружающего мира, умение увидеть то, что не видят другие или видят не так, пережить это, прочувствовать и дать возможность понять красоту мира другим. Необходимость, о которой она сказала, была, но это была вынужденная необходимость, без ее желания. Ее желание было скромным – писать, писать и писать, но при этом не оставаться голодной. Хотя, даже при случайных заработках она не голодала, но все-таки приходилось думать и о хлебе насущном. А что ее завело на этот корабль, она и сама порой не смогла дать себе ответ, а может кто?

– А вы сами кто? – прервала она свое молчание, видя, что собеседник молчит.

– Я в некотором роде ваш коллега по творчеству – я писатель

– Вот оно как! И как вас зовут? Может быть, я тоже читала ваши произведения?

– Это вряд ли, – засмеялся он.

– Вы пишете что-то научное? – допытывалась она.

Он оперся руками о подлокотник шезлонга, будто намеревался встать, не отвечая, но лишь поджал вытянутые ноги.

– Я не печатался вообще, – пояснил он. – Я вообще не издал ни одной книги.

Художница удивленно посмотрела на него: – А почему тогда писатель?

– Потому, что пишу.

– Странный вы писатель.

– Вот, это общераспространенное мнение, что писатель это тот, кто пишет и его печатают.

А писатель – от слова писать.

– Ну, да важно еще, где поставить ударение.

Он улыбнулся: – Это тоже необходимость, правда, у всех.

– Если я напишу письмо, то получается, что я тоже писатель, – улыбнулась она.

– Нет, в этом случае вы описываете сухие факты или делитесь своими впечатлениями, а иногда задаете вопросы. Писатель должен все прочувствовать сам, даже чужое. Я пишу книгу про жизнь; начал давно, но жизнь продолжается и вносит свои коррективы, вот я и пишу постоянно продолжение.

– Не понятно, что все таки отличает писателя, от просто пишущих?

– Умение чувствовать, с надрывом в душе и передать мысли, чтобы их услышали. Вы не думайте, я признаю право и умение других писать, издаваться. У меня нет обиды, да и как она может быть, если то, что я пишу, никто не знает кроме меня. Видите ли, писатель должен уметь, на каком-то интуитивном чувстве понимать, распознавать других людей их чувства и пропускать все через себя, соотносить с собственным душевным укладом. Писатель это муки творчества, некая способность видеть чужие души. Это постоянный диалог с самим собой и все это не дает спокойно жить, взрывая мозг сомнениями противоречивых мыслей, как собственных, так и чужих.

– Так может быть, я вам помешала разговаривать с собой? – попыталась придать она иронию голосу.

– Нисколько. У меня тоже бывают перерывы для отдыха, даже от себя. Я стал скучать, а испытание скукой вещь утомительная и длительная, от которой не так просто избавиться, не отмахнуться, как от назойливой мухи. Скука парализует, и тогда надо что-то предпринимать, а если удастся, то и бежать от нее. Когда я понял, что окружающая меня жизнь замерла и не приносит ничего нового, то я сбежал, от своего прошлого, при помощи других...

– Вы надеетесь, что на новом месте будут иные впечатления и продолжите свою книгу?

– Вряд ли получится, – вздохнул Писатель, – это лишь иллюзия, некая передышка от скуки, посредством бегства. Я уже делал это ранее.

– И что? Никто не сможет прочесть вашу книгу, раз вы ее постоянно дополняете?

– Думаю никто. Все держу в голове.

Она насмешливо посмотрела на его голову, где почти не было волос: – Потому и голова свободна от волос, что их вытолкали мысли? Ничего не потеряли из ненаписанного?

Она явно издевалась над ним, но он этого не замечал или не хотел замечать. Во всяком случае, по его виду, это было невозможно увидеть. Даже если он и заметил, то оказался не злобным, а просто ответил:

– Надеюсь, что нет. Я понимаю, что выгляжу действительно странным писателем: не издавшим ни одной книги, не имеющим читателей. Все верно.

– Записывать начнете, когда Муза придет?

– Она не придет, – грустно вымолвил он. – Она уже давно меня оставила.

– Жаль, а может быть еще...

– Не может быть, – прервал он ее. – Чудес не бывает, о чем я жалею, хотя пора бы уже перестать мечтать.

– На что же вы рассчитываете?

– На свою одержимость... Но, я обязательно напишу и поставлю точку на последней странице. Нет, многоочие...

– Хочется вам верить. Если вы не издавались, на что живете?

– Жил, – поправил он. – Жил статьями в газетах.

– Так вы журналист, – радостно воскликнула Художница.

– Журналист, это тот, кто сделал написание статей профессией, а я, как и вы, для поддержания тела, подрабатывал разовыми заработками. Я не продаюсь. Я догадываюсь, что вы обо мне думаете. Уже привык.

– К этому можно привыкнуть?

– Человек ко многому может привыкнуть... – он хотел продолжить, но замолчал, его взгляд устремился вдоль палубы. Художница повернула голову и увидела идущую по направ-

лению к ним женщину. Ее внешний вид бросался в глаза, к чему она очевидно и стремилась: каштановые волосы спадали ниже плеч ровными локонами, а умелый макияж лишь подчеркивал ее приятное лицо, на котором выделялись большие карие глаза. На вид ей было лет тридцать. Непомерно короткая юбка открывала стройные ноги и обтягивала бедра. Ее изящная фигурка приковывала внимание, а относительно свободная вольная походка была явно искусственной; она подчеркивала, все, что она хотела показать, чуть покачивая бедрами. Весь ее вид, в общем, показывал, какое у нее ремесло, даже не сведущему человеку. Подойдя к сидящим, она не спрашивая, села в шезлонг, который, как и другие, был привинчен к палубе и закинула ногу на ногу, приведя в смущение Писателя.

– Милое, приятное утро, – вместо приветствия произнесла женщина.

– Милое, – смутившись, поддержал Писатель.

– И что вас так смущает? – заметила женщина его взгляд.

– Вы так вызывающе, открыто одеты, если это можно назвать одеждой – не считал нужным он скрывать свое мнение.

– И что! – засмеялась подошедшая. – Вы предпочитаете женщин завернутых с головы до пят в материю? Не смешите. Все вы хотите знать, что же там интересного под одеждой, хотя ничего неизвестного там точно нет. Вопрос только качества. Но как понимаю, мой вид дает вам повод думать, что я представительница одной из древнейших профессий? Да лучше я буду выглядеть так, зато у вас нет никаких сомнений, а то большинство мужчин, глядя на женщину, все равно, как минимум раздевают ее глазами, а уж что думают... В каждой женщине видят потенциальную меня. Поэтому думайте, что хотите, я даю вам такую возможность, а такая ли я на самом деле или нет, не важно.

– Ну что вы! Всегда приятно, когда женщина радуется глаз.

– Ну, если вы радуетесь только глазами..., – и, улыбнувшись, добавила. – Женщина должна радовать не только глаз, вы взрослый мужчина и пора бы это знать.

Мне что-то жарко, – он достал платок, вытер со лба пот, и, упершись в поручни шезлонга, поднялся. – Оставлю вас. Иначе не далеко до греха.

– Все зависит от того, что вы подразумеваете под грехом? Можно ли считать грехом то, что уготовила природа или Всевышний. Иначе он придумал бы что-то иное.

– Это уже тонкости.

– Не скажите. Хотя тонкость есть и в этом вопросе, – сквозь смех проговорила она.

– Я все-таки пойду. Мужской ум не всегда способен понять ум женщины, особенно, когда она говорит о себе. Поди тут разберись, где правда, а где нет.

– Вы правы, – подтвердила она. – Женский ум он особенный, ему нельзя доверять. Он путанный и коварный. Женщина говорит и спрашивает, вызывая на откровенность, а потом против вас обернет то, что узнала.

– Вам лучше знать. Может быть, еще увидимся, – ответил он и направился к двери ведущей внутрь корабля.

– Конечно, увидимся, здесь мало места где можно разминуться, – ответила ему вслед Художница, а затем посмотрела на сидящую рядом женщину: – Надеюсь, его пробил пот не от вашего появления.

– А! – отмахнулась та.

– Вас не смущает, столь пристальное внимание мужчин?

– Привыкла, я же вижу, как они раздевают меня взглядом, но это меня не смущает. Я даже не обернусь, если услышу хрип, зная, что это он захлебнулся от собственных слюней.

– Вы так безжалостны к ним?

– Нет, я их рассматриваю как источник.

– А не наоборот? – усмехнулась Художница.

– В какой-то мере. Они источник моего дохода, а я источник нежности и внимания.

– Внимания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.